

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
СССР

58588

3-й экз.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор

Ем. Ярославский

К Н И Г А

1

125

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1944

ПЕРВЫЙ ОБЩИЙ ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ И РУССКАЯ ПОБЕДА 18 ИЮНЯ 1855 года *

Действ. чл. АН СССР Е. Тарле

I

Русскую победу 18 июня 1855 г. назвали в тогдашней английской прессе «парадоксальнейшей из побед».

В самом деле: для осаждавшего Севастополь неприятеля исход этого сражения был совсем неожиданным. Казалось, дело идёт к развязке, девятимесячная осада явно истощает русские силы. Только что, 7 июня, после отчаянной обороны русские несмотря на всю свою храбрость, подавленные огромным численным превосходством атакующего противника, должны были отдать Камчатский люнет и оба соседних редута — Селенгинский и Волинский. Значит, Малахов курган и вся Корабельная сторона уже совсем обнажены, и прицельному и навесному огню открыты левая часть русской оборонительной линии и город, за ней лежащий. На правой стороже оборонительной линии англичане стоят перед «Большим Реданом», как они его называют, т. е. перед третьим бастионом. С самого начала осады они, правда, ничего не могут с ним поделать, хотя уже в первую бомбардировку 5 (17) октября он был больше чем наполовину разрушен и разворочен. Но, несомненно, штурм со стороны всей английской армии он не выдержит. Да и англичане могли похвалиться трофеем в день 7 июня: они взяли каменоломни, расположенные как раз перед третьим бастионом. Генерал Пелисье ни в малейшей степени не сомневался в победе. Следует заметить, что он вовсе не был хвастуном и самонадеянным вертопрахом и русскую оборону расценивал очень высоко. И всё-таки многим в его штабе, начиная с командира императорской гвардейской дивизии генерала Реньо Сен-Жан д'Анжели и кончая генералом д'Отмаром, начальником левой из трёх французских колонн, назначенных для штурма, казалось, как и самому главнокомандующему, что штурм в несколько часов покончит с изнурительной войной...

15 июня состоялось совещание главнокомандующих трёх армий, стоявших под Севастополем: генерала Пелисье, лорда Раглана и Омер-паша. Было окончательно решено повести штурм на первый и второй

бастионы, на Малахов курган, на батарею Жерве и на «Большой Редан» главными силами французов и англичан, выделив, однако, для довольно сильной демонстрации в направлении на Ай-Тодор турецкие и сардинские войска, а в помощь им — на Чёрную речку — был послан генерал Боске с отрядом около 20 тыс. человек.

Войска были так уверены в удаче штурма, что даже приписывали удаление генерала Боске на Чёрную речку — как раз накануне штурма — зависти главнокомандующего, не желавшего делить лавры с талантливым тактиком, уже зарекомендовавшим себя и при Альме, и при Инкермане, и при взятии Камчатского люнета и других редутов.

Решение трёх главнокомандующих было сформулировано лишь в самых общих чертах. Условлено было начать самую бурную бомбардировку города 5(17) июня с утра и продолжать её до вечера, а вечером собрать новый совет, где уже окончательно уточнить план действий и распределить роли между участниками штурма...

II

Вот сделанные Тотлебенем подсчёты¹, касающиеся силы артиллерийского огня обеих сторон перед моментом начала бомбардировки 17 июня. Осадные батареи имели в своём распоряжении 587 орудий, из которых было 421 французское и 166 английских. При этом только 39 предназначались для отражения возможных вылазок и для действий по рейду и по Северной стороне, а остальные 548 должны были бомбардировать оборонительную линию, особенно сосредоточивая огонь: французы — на первом и втором бастионах, на Малаховом кургане, на батарее Жерве, англичане — на третьем бастионе и на Пересыпи.

Русские располагали из общего числа орудий своей армии (1129) только 549 орудиями для непосредственной обороны той своей линии, на которую предполагалось направить атаку. Всего эти 549 русских орудий имели ко дню 17 июня в своём распоряжении 117 тысяч зарядов. Но запас крупных ядер и пятипудовых и даже 68-фунтовых бомб был невелик, пороховой запас скуден. Недостающее по мере сил

* Настоящая статья представляет собой сокращённую 12-ю главу из готовящегося к печати II тома книги акад. Е. Тарле «Крымская война».

¹ Тотлебен Э. Описание обороны Севастополя. Ч. II, стр. 324. СПб. 1872.

восполняли, например, беря бомбы с судов, даже раскапывая старый вал на Северной стороне и добывая оттуда ядра, потому что прежде тут производилась практическая стрельба¹.

III

О том, что предстоит какое-то серьёзное дело, русские стали уже догадываться 4(16) июня, когда вдруг обнаружилось движение большого отряда пехоты, кавалерии и артиллерии через Чёрную речку по направлению к Шули. По подсчётам русских, наглаз, у неприятеля было до 15 тыс. человек. На самом же деле было больше: 20 тысяч. Это и был отряд генерала Боске. Русский авангард отошёл в ущелье перед селом Юкара, а неприятель стал лагерем между Шули и Чоргуном².

Было довольно ясно, что это демонстрация, предназначенная лишь для того, чтобы сдерживать посылку подмоги городу, и что главное действие будет около севастопольских верков. Очень скоро это стало ещё более очевидным. В 4 часа утра 5 (17) июня раздался сигнальный выстрел с английской батареи и одновременно загремели все французские батареи правого крыла и часть английских батарей. «С нашей стороны отвечали сильным огнём с бастионов и батарей Корабельной стороны и левой части 2-го отделения. Пароходы наши, стоявшие на рейде, принимали также участие в артиллерийском бою, обращая огонь свой на редуты за Килен-балкой. Батареи наши на Северной стороне действовали по береговым неприятельским батареям, обстреливали Волинский и Селенгинский редуты»³, взятые неприятелем 7 июня.

Страшная канонада продолжалась два часа сряду, не ослабевая ни на минуту. «Все неприятельские батареи стреляли почти непрерывными залпами, наши батареи отвечали усиленным огнём». Затем вдруг неприятель замолчал. А в 2 часа усиленная бомбардировка не только возобновилась на тех же пунктах, что и утром, но под жестокий обстрел попал и весь русский правый фланг, и «канонада сделалась общей по всей оборонительной линии и продолжалась до позднего вечера».

Обыкновенно, если канонада бывала днём, то огонь в вечерние часы ослабевал. Но на этот раз было иначе. «С наступлением темноты неприятель бросал бомбы и ракеты в город, на рейд и Северную сторону. Всю ночь усиленный огонь не прекращался. Неприятельский пароход-фрегат, отделяясь от линии своих кораблей, стрелял залпами по рейду и городу, большая часть его снарядов ложилась в бухту, не нанося вреда судам нашим, стоящим на

рейде. Несмотря на страшный прицельный огонь по нашим веркам, работа по исправлению повреждений в укреплениях производилась деятельно и подбитая артиллерия заменена новою».

Вторая половина дня (17 июня), примерно с половины третьего, была не лучше первой: «Всё слилось в один общий гул, по всей линии Севастополя шла самая сильнейшая канонада как из орудий, так и из мортир. Наступил вечер, мы думали, что утихнет — не тут-то было: надбавили ракет, да начали подходить пароходы и задавать залпы то гранатами, то ракетами... Чего-чего мы не насмотрелись... Так продолжалось целую ночь, и все были на ногах. День был удушливый, а ночь жаркая по огню и от пожаров, которые начали местами показываться... Тушить их было некому, да и невозможно, ибо союзники, лишь только заметят это, так тотчас сосредотачивают туда свои выстрелы, предполагая, что там большое скопление людей»⁴.

К вечеру 17 июня ликование царило и во французском и в английском лагерях. В завтрашнем успехе, повидимому, почти никто не сомневался. Подхватывали всякий радостный слух и верили ему:

— Генерал Боске пошёл на Чёрную речку? — Это затем, чтобы взять стоящих там сардинцев и идти с ними обложить город с Северной стороны, чтобы не дать завтра русской армии спастись от плена. — В Севастополь, говорят, провезли много возов с соломой? — Дело ясное: русские, вероятно, собираются перед эвакуацией сжечь Севастополь, подобно тому, как они сожгли Москву в 1812 году. Таково уже у них обыкновение (according to their habit!)⁵.

Одним из обстоятельств, вдохнувших в союзное командование уверенность в несомненном успехе готовящегося штурма, был тот дошедший до осаждающих (и вполне бесспорный) факт, что очень уж много моряков в Севастополе перебито и что теперь, в июне, город защищают не столько матросы, поставленные сюда в сентябре Нахимовым, Корниловым и Истоминым, сколько армейские солдаты, у которых к тому же мало боеприпасов. Об этом прямо говорит участник осады генерал Вуд⁶.

Русские работали всю ночь, не теряя буквально ни одной минуты.

Ночью не прекратилась канонада; она то ослабевала на несколько минут, то снова усиливались рёв орудий и грохот взры-

¹ Сборник рукописей... о Севастопольской обороне. Т. III, стр. 128. СПб. 1873. Из писем К. Семякина.

² Robinson F. Diary of the Crimean war, p. 342. London. 1856.

³ «The ammunition of the foe again began to run short and the infantry soldiers who had replaced the trained seamen gunners, most of whom had been killed, were of course far less efficient than those whom they succeeded». Wood E., The Crimea in 1854. London, 1895, p. 290.

¹ Тотлебен Э. Описание обороны Севастополя. Ч. II, стр. 325.

² ГАФКЭ, ф. 32, л. 184. «Журнал военных действий в Крыму с 4 по 15 число июня 1855 г.».

³ Там же.

вающихся бомб и ракет. С начала двенадцатого часа ночи к рейду стали приближаться неприятельские паровые фрегаты и к бомбардировке с суши прибавилась канонада с моря. Русские насчитали десять пароходов, батарей которых четыре часа подряд осыпали бомбами и ядрами город и побережье Южной бухты. Они смолкли вдруг к трём часам утра — явно уже по новой диспозиции Пелисье, согласно которой на рассвете должен был начаться самый штурм, а не рассчитанная на два часа предварительная канонада, о чём шла речь по утрешней (первой) диспозиции, условленной с лордом Рагланом. В разгаре этой ночной бомбардировки русские сапёры и рабочие несколько часов подряд работали, исправляя повреждения, причинённые днём неприятельскими снарядами. В 2 часа ночи Тотлебен отвёл рабочих в резерв, но продолжал работу на Малаховом кургане. Догадавшись, что именно тут будут сосредоточены главные усилия атакующего, Тотлебен решил снабдить курган четырьмя новыми барбетами, на которых можно было бы поставить орудия для усиления картечного огня по пространству, по которому должны были двинуться французы на приступ. Нужно было работать в полутьме. «Храбрые сапёры и команда от Севского полка под градом неприятельских бомб работали с таким рвением, что к рассвету все четыре барбета были готовы и на них были поставлены полевые орудия», — говорит Тотлебен.

Бомбардировка ночью 5(17) июня была, по показаниям очевидцев, страшнее, чем все, ей предшествовавшие. «По данному сигналу одновременно со всех батарей полетели на город ядра 36-фунтовые и 3-пудовые, бомбы 5-пудовые, гранаты, брошенные павильоном из бочонка (sic), и ракеты. Огонь был так част, что промежутков, казалось, не было никаких, и всё это с визгом и шумом лопалось в воздухе и сыпалось на город, как град... Ужаснее картины разрушения нельзя было представить...»¹.

«Да, ночь эту я никогда не забуду. Работа была у нас ужасная, по крайней мере 2000 человек толпилось на маленьком пространстве, чтобы достать немного земли для заделывания повреждений от дневной бомбардировки, а в это время буквально не проходило минуты, чтобы не раздавался выстрел. Самая жаркая и спешная работа была на моей батарее... которую разбили днём ужасно. Я не помню, чтобы все предыдущие бомбардировки были хоть малюсеньки похожи на эту; в этот раз был решительный ад. Видно было, что они готовились к чему-то необыкновенному. Поверите ли, друзья мои, что штурм в сравнении с бомбардировкой весёлое дело... всё-таки лучше, чем хладнокровно

смотреть, как одной бомбой вырывает несколько десятков человек. Никогда не забуду я этот случай, когда в эту бомбардировку у меня на батарее разворотило одну амбразуру; я, подойдя к ней, заставил прислугу, состоявшую из десяти человек, поскорее поправить, чтобы через самое короткое время орудие это могло действовать; они принялись за работу, а я некоторое время следил, потом пошёл к другому орудью, чтобы посмотреть, хорошо ли там стреляют; не успел я отойти несколько шагов, как вдруг слышу крик, обращаюсь назад и что же вы думаете? Всю прислугу положило бомбой насмерть... Одним словом, в тот день я насмотрелся таких сцен, что не мудрено, если в 30 лет составишься»².

Таковы типичные воспоминания о дне и ночи 5(17) июня 1855 г. на Малаховом кургане. Постоянно попадаются и такие черточки: «У нас на кургане (Малаховом) живёт одна из сестёр милосердия, зовут её Прасковьей Ивановной, а фамилии не знаю... Бой-баба такая, каких мало... Солдаты с радостью дают перевязывать ей свои раны... А как странно видеть под ядрами женщину, которая их несколько не боится»³.

Ночь близилась к концу. Наступало восемнадцатое июня.

IV

Тут случилось первое из роковых для союзников несчастий, которые их преследовали в этот день. Командир французской гвардии, начальник штурмующей колонны, ждавший сигнала, вдруг услышал крики «Ура!» и внезапно возникшую оживлённую перестрелку и, к ужасу своему, узнал, что генерал Мэйран уже повёл свою бригаду на штурм первого и второго бастионов и батарей, господствовавших над Килен-балочной бухтой. Таково было его задание, согласно диспозиции Пелисье. Но почему он выступил, когда ещё не было трёх часов утра, и главное, почему он решился на такой поступок, не дождавшись сигнала? На этот вопрос даётся несколько ответов, но точного разъяснения уже никогда не будет, так как генерал Мэйран был убит одним из первых, — спустя несколько минут после того, как двинулась его бригада.

Пелисье утверждал (и эта версия стала официальной), что Мэйран по ошибке принял «обычную» бомбу за сигнальный выстрел. Но это объяснение несостоятельно (и едва ли сам Пелисье ему придавал значение), потому что сигналом должны были послужить три ракеты, точнее, три ослепительных световых столба, одновременно поднявшихся с Ланкастерской батареи, и Мэйран никак не мог принять обычную бомбу за подобный сигнал.

Второе объяснение, к которому примкнул генерал Модест Богданович, через несколько месяцев после события писавший о нём, заключается в том, что Мэйрану

¹ «Под Севастополем в 1853—56 гг.». Записки и дневник бывшего начальника артиллерийских парков Южной и Крымской армий ген.-майора Духонина. «Русская старина» за октябрь 1885 г., стр. 90.

² Сборник рукописей... о Севастопольской обороне. Т. II, стр. 298. СПб. 1872. Из писем капитан-лейтенанта П. И. Лесли:

³ Там же, стр. 304.

доложили о столкновении его разведчиков с русским патрулем, и он решил, что после этого нельзя терять ни минуты, иначе пропадет вся выгода от внезапности нападения¹.

Третье объяснение, точнее догадка, формулировалось так: Мэйран, зная, что ему, действовавшему на правом фланге штурмующей массы, придется вести свою бригаду по той части Корабельной стороны, которая непременно будет обстреливаться русскими судами из Килен-бухты, внезапно решил, что для его бригады меньше риску, если она успеет промчаться по опасному месту еще до сигнала, когда русские командиры (и в том числе капитан Бутаков, командовавший в эту ночь на «Владимире») еще ничего о начале штурма не знают.

Наконец, согласно показанию адъютантов Мэйрана, они на свои замечания, что еще не подан знак к штурму, получили в ответ от генерала: «Когда идут на приступ, то более почтено выступить раньше, чем опоздать»².

Колонна Мэйрана была встречена в упор русской картечью с фронта и бомбами с правого фланга, пущенными Бутаковым с «Владимира», а за ним и остальными русскими судами. Она подверглась страшному разгрому и не могла продержаться даже четверти часа. Французы отхлынули, оставив сотни убитых и раненых, прямо к Килен-балке, откуда их повел Мэйран. «Смерть под русскими пулями избавила его от военно-полевого суда», — говорили впоследствии в союзническом лагере.

Бригада Мэйрана, в самом деле, начала штурм не на рассвете, а в ночной темноте, почти за час до рассвета, и только покровом тьмы объясняется, что французы подошли уже к самому рву первого и второго бастионов. Но здесь они были отброшены со страшными потерями. Атакующие сражались храбро, и дело дошло в некоторых местах до штыкового боя. Суздальский и Якутский полки штыками сбросили часть бригады Мэйрана у бруствера оборонительной стены, соединявшей второй бастион с Малаховым курганом. Когда затем, уже по правильному условному сигналу, данному Пелисье, дивизия Брюне бросилась на Малахов курган, а часть дивизии Отмара — на батарею Жерве (находившуюся между Малаховым курганом и третьим бастионом), было все-таки еще довольно темно; рассвело лишь тогда, когда штурмующие ворвались на батарею Жерве и перебили там всю артиллерийскую прислугу, отбросив остальных от батареи.

По показаниям русских, было без десяти минут три часа ночи, когда французы без сигнала бросились на штурм левой стороны оборонительной линии. «Малахов курган стоит будто опоясанный двумя пламенными лентами; огневая река льется по все-

му протяжению оборонительной стены; наш ружейный огонь усиливается ежеминутно, не прерываясь ни на мгновение. Значит наши резервы подходят вовремя. Почти темно еще, не различить предметов»³, — пишет очевидец. Один за другим взвились спустя некоторое время три столба ослепительно белого цвета: это были сигнальные ракеты. Неприятельская армия разом бросилась в атаку. «Огромные массы неприятеля рассыпным строем движутся к нашим батареям. Вот они уже у волчьих ям, что перед вторым нумером, вот лезут во рвы первого, Малахова кургана, 3-го бастиона. Страшен наш батальный огонь; ужасно действие картечи; губительно поражает столпившегося обезумевшего врага град пуль, посланных из пушек, для которых пули заменили картечь». Автор воспоминаний тут ошибся: как увидим, атака англичан на третий бастион произошла несколько позже.

Французы решили пробиться через оборонительную стену, соединявшую второй бастион с Малаховым курганом. Но тут они натолкнулись на спешно вызванные к самому опасному месту три батальона Суздальского, Селенгинского и Якутского полков. Особенно блистательно действовали батальоны двух последних полков. Дело в том, что это были так называемые застрельщики батальоны. Каждый такой батальон состоял приблизительно из 90 человек, вооруженных прекрасными бельгийскими («дюттиховскими») штуцерами, и из такого же количества отборных, лучших в полку стрелков с «простыми» (т. е. гладкоствольными) ружьями. Кроме того в таком батальоне находились еще две сотни: одна с нарезными ружьями, а другая с простыми. Эти «запасные» сотни брали штуцеры и нарезные ружья у убитых товарищей. Таким образом, французы, бравшие второй бастион и оборонительную стену, наткнулись на отборных стрелков. Завязалась отчаянная свалка. Французы сражались яростно, но явный перевес оказался очень скоро на стороне русских батальонов.

Артиллерийский офицер Ершов вскопал на бруствер второго бастиона сейчас же после сигнала и начала штурма. Вот что он увидел: «На всем протяжении неприятельских траншей перед Малаховым курганом быстро двигалась густая чернеющая лавина штурмующего неприятеля. Офицеры с саблями наголо бежали впереди. Впечатление было поразительное, казалось, сама земля породила все эти бурные полчища, в одно мгновение густо усеявшие совершенно пустынное до того времени пространство». Русские с бастионов били в упор картечью, бомбами, ядрами, ружейным огнем: «Громада неприятеля дрогнула, взволновалась на одном месте, будто закипела на несколько мгновений и вдруг отхлынула назад, причём огонь наш, в осо-

¹ «Военный журнал» за 1856 год. Т. I, стр. 161.

² Noir Louis. Souvenirs d'un simple zouave, p. 332. Paris.

³ «Сборник известных, относящихся до настоящей войны». Кн. 32, стр. 466, СПб, 1859.

бенности ружейный, увеличился до невероятной степени». Всё это при оглушительном вое и грохоте орудий, как в чаду, мелькало перед защитниками. «Помню только гул и треск повсюду, волны неприятеля, несколько раз подбегавшие почти ко рву укрепления, дым и пыль направо и налево...»¹.

Полуразгромленная бригада Мэйрана бросилась и второй раз в атаку всё на те же первый и второй бастионы, но снова была отброшена и отхлынула к Килен-балке, поражаемая картечью. Только после этого Пелисье велел дать сигнал ракетами, и неприятельская масса устремилась на укрепленную куртину, соединяющую второй бастион с Малаховым курганом, на Малахов курган, а яростнее всего — на батарею Жерве². Но из-за рокового для атакующих поступка Мэйрана (всё равно, было ли это ошибкой или сознательным ослушанием) все дальнейшие отчаянные нападения были отчасти подорваны и ослаблены. Кроме того слух о кровавом поражении и смерти Мэйрана мгновенно распространился в рядах союзной армии и произвёл тягостное впечатление. И всё-таки французы сражались в этот несчастный для союзной армии день с выдающейся храбростью.

V

Французское командование направило громадные силы, около 13½ тыс. человек, в том числе лучшие батальоны зуавов, против Малахова кургана. Прежде всего необходимо было овладеть бастионом Корнилова; это решало дело непосредственно, потому что со взятием бастиона весь Малахов курган оказывался в руках неприятеля. Вторым пунктом была батарея Жерве. Взяв её, французы могли рассчитывать обойти сразу и Малахов курган и третий бастион с тыла. Генерал Юфероз, командовавший в этот день на Корниловском бастионе, встретил французские колонны страшным картечным огнём, так что одно за другим два нападения были отражены с огромным уроном для неприятеля. Тогда неприятель повёл штурм с удвоенной силой против батареи Жерве. Полтавский полк, очень сильно уже поредевший, защищал и батарею и подступ к ней с фронта и прямо в лоб бил ружейным огнём. А в то же время справа в штурмующих палили батареи Малахова кургана, а слева — третий бастион и выдвинутая несколько впереди этого бастиона сильная батарея полковника Будищева. И всё-таки зуавы по бесчисленным трупам, давая своих падавших раненых, ворвались в батарею Жерве и отчасти перекололи, отчасти отбросили её защитников. Вслед за зуавами в прорыв на батарею Жерве и за батарею бросились французские линейные войска. Полковник Гарнье, заняв батарею Жерве, ворвался далее со своим отрядом на Корабельную

сторону — предместье Севастополя, отделяющее западную отлогость Малахова кургана от Южной бухты. Часть изб и домиков этой стороны была уже давно в полуразрушенном состоянии, а часть уцелела. Прорвавшиеся французы засели в этих домиках и поражали убийственным огнём русских, отброшенных от потерянной батареи Жерве. Но Гарнье сейчас же послал одного за другим трёх гонцов к генералу Отмару с требованием немедленно прислать подкрепления, в противном случае, писал он в записке, «я буду скоро раздавлен!» («Je serai bientôt écrasé!»).

Все три унтер-офицера, которых Гарнье послал в качестве гонцов, были перебиты. Гарнье послал четвёртого; тот добрался до генерала, но слишком поздно: батарея Жерве была взята русскими обратно. Вот как произошло это событие, собственно, и предпринятое полный проигрыш всего предприятия генерала Пелисье.

Положение русских после взятия батареи Жерве казалось отчаянным. Будищев, так искусно все эти часы управлявший артиллерийским огнём своей батареи и всего третьего бастиона, был убит штыковой пулей. Никто не было видно. Новые и новые потоки атакующих французов, избиваемые, правда, по дороге нещадно, всё-таки устремились по тому же пути, по которому прошёл Гарнье. Если бы не удалось выбить французов из домов и изб, где они засели (уже в тылу взятой ими батареи Жерве), и если бы генералу Отмару удалось провести сильные подкрепления молившему об этом Гарнье, то Севастополь почти несомненно был бы взят союзниками в тот день. В этот наиболее критический момент кровавого дня внезапно пришло спасение: примчался Хрулёв.

Степан Александрович Хрулёв, сделавший в своё время всё, что мог, для обороны Камчатского люнета с первого же момента его создания, прославился блестящей вылазкой в ночь с 10(22) на 11(23) марта, когда в ночном бою русский отряд под его предводительством ворвался в противоположную французскую траншею, перебил часть её защитников и развалил земляные укрепления.

У Хрулёва в распоряжении была та моральная сила, которой не было и в помине ни у Горчакова, ни у барона (впоследствии графа) Остен-Сакена, ни у всего их штаба: любовь солдат всех тех полков, с которыми Хрулёв побывал в деле. Конечно, это было не то чувство личной привязанности, тесно связанное с благоговейным и беспредельным доверием, которое, например, питали матросы к Нахимову — победоносному флотоводцу; да и не было у Хрулёва такой громкой славы, как у синопского героя. Но имя Хрулёва говорило солдатам больше, чем имена даже таких храбрецов, как Виктор Илларионович Васильчиков или Александр Петрович Хрущов. Манера держаться и говорить с солдатами, свойственная Хрулёву, очень сильно ему помогала. В штурм 6(18) июня эта великая моральная сила Хрулёва была им пущена в ход в самый

¹ Ершов А. Севастопольские воспоминания, стр. 182. СПб. 1891.

² Тотлебен Э. Описание обороны Севастополя. Ч. II, стр. 342.

грозный момент боя — и спасла Малахов курган.

Хрулёв уже с ночи объезжал всю оборонительную линию, проявляя свойственные ему энергию и распорядительность. Подъезжая к батарее Жерве, Хрулёв не только увидел, что она в руках французов, но и убедился, что французы уже прорвались в тылу взятой ими батареи на Корабельную сторону и захватили жилые постройки на правом склоне Малахова кургана и что, значит, Малахову кургану, отстреливающемуся с фронта, грозит обхват с тыла. Грозная опасность момента толкнула Хрулёва на отчаянный риск. Он был один, войск поблизости не было. Вдруг он увидел кучку солдат, как ему показалось, человек полтора (на самом деле их было 138). Это были солдаты одной роты Севского полка, окончившие перевозку орудий на 3-е отделение мушкетерской оборонительной линии. Дальше последовало много раз описанное, в самом деле изумительное событие, которое, как и всегда, правдивее и точнее всего рассказано бывшим тут же по соседству, на Малаховом кургане, Тотлебенем: «Схватив возвращающуюся с работы 5-ю мушкетерскую роту Севского полка, под командой штаб-капитана Островского, он (Хрулёв) построил её за ретраншементами и со словами: «Благородцы мои! В штыки! За мной! Дивизия идёт на помощь!» — двинул её на неприятеля. Воодушевлённые любимым начальником, солдаты бросились без выстрела в штыки. Вслед за этой ротой, по приказанию генерала Хрулёва, устремились на неприятеля и остатки Полтавского батальона, предводимые капитаном Горном. Французы встретили наши войска сильным ружейным огнём из дверей и из окон домиков. Здесь загорелся жестокий рукопашный бой. Французы защищались с отчаянной храбростью: каждый домик приходилось брать приступом. Наши солдаты влезали на крыши, разбирали их, поражали камнями засевших в домиках французов, врывались в окна и двери и, наконец, выбили французов, захватив у них в плен 1 штаб-офицера, 8 обер-офицеров и около 100 нижних чинов»¹. Остальные были перебиты, бежать из домиков не удалось почти никому. Вслед за тем наступила очередь батареи Жерве, где засели оборонявшиеся с отчаянной храбростью французы. На помощь ничтожной кучке пошедших за Хрулёвым солдат подоспели шесть рот Якутского полка. Батарея Жерве была взята приступом. Русские, ворвавшись на батарею, вступили в яростный рукопашный бой, перебили большую часть французов, немногие уцелевшие бросились спасаться бегством. Батарея была прочно обеспечена за взявшими её ротами. «К сожалению, победа наша на этом пункте была сопряжена с чувствительными потерями. Более других пострадала покрывшая себя славой 5-я рота Севского полка, в которой из 138 человек осталось только 33...»².

¹ Тотлебен Э. Описание обороны Севастополя. Ч. II, стр. 344—345.

² Там же, стр. 345.

Отдельные части дивизии Отмара, не желавшего примириться с потерей батареи Жерве, делали ещё повторные попытки штурмовать эту позицию. Сюда подоспел Нахимов, который весь этот день появлялся, по обыкновению, в самых опасных местах. Всё пространство перед бруствером батареи Жерве и Малахова кургана было так густо усеяно телами павших французов, как ни на каком другом участке оборонительной линии.

Генерал Ниоль, начальник бригады, к которой принадлежал Гарнье, увидел полную невозможность взять обратно у Хрулёва и его солдат батарею Жерве и снова направил одну за другой несколько отчаянных атак на Корниловский бастион и на верки Малахова кургана. Но и эти повторные атаки были отбиты после ожесточённой борьбы.

VI

Почти одновременно главнокомандующему французской армии доложили о двух несчастиях, в разные моменты боя происшедших: генерал Мэйран убит и его войска разгромлены, генерал Брюне убит и его войска отброшены.

Перед всем своим горестно взволнованным главным штабом Пелисье сказал: «Если бы Мэйран и Брюне не были убиты, я бы их предал военному суду»³. Капитан зуавов Перре, передавая это, укоряет Пелисье в несправедливости. В частности неясно, чем (кроме неудачи) провинился Брюне, ничуть не нарушивший диспозиции главнокомандующего. Впоследствии Пелисье признавал основной причиной тяжёлого поражения 18 июня именно то обстоятельство, что Брюне и Отмар не были поддержаны ни с правого своего фланга Мэйраном, который поторопился, был уже разбит, а затем и убит, ни с левого фланга — англичанами, которые опоздали со своим выступлением. Было уже 7 час. утра, когда Пелисье, получив известие о поражении англичан у «Большого Редана», а также о блестящем подвиге Хрулёва, принял окончательное решение: он велел армии отступить и «вернуться в параллели», т. е. в свой лагерь. Русская победа в этот день была тем самым признана полностью.

Замечу, что, по русским, а отчасти и по английским свидетельствам, приказ об общем отступлении был отдан вовсе не в 8½ час., а гораздо раньше — уже в 7 часов.

Французская армия обвиняла в неудаче штурма англичан. Нарекания на англичан были не совсем справедливы. Некоторые английские части сражались храбро. Однако не только среди французских солдат, но и среди офицерства часто проглядывало раздражение против слишком инертного поведения небольшой по размерам английской армии, стоявшей под Севастополем. После провала 6(18) июня эти нарекания

³ Perre E. Récits de Crimée 1854—1856, p. 336. Paris.

очень усилились. Ни для кого не было тайной, до какой степени Пелисье был раздражён против лорда Раглана. Настроение главнокомандующего, естественно, давало тон настроению всей французской армии...

Лорд Раглан, обидевшийся на генерала Пелисье за то, что он произвольно и внезапно изменил первоначальную диспозицию и отказался от усиленной канонады перед штурмом, сам вовсе не думал, что он обязан приказать англичанам выступить одновременно с французами. Он видел поражение дивизии Мэйрана, видел, что все атаки дивизии Брюне на Малаховом кургане отражены, что нападение части дивизии Отмара (отряда Гарнье) на батарею Жерве после кратковременного успеха победоносно отбито русскими, и, главное, видел, что в этих русских успехах (особенно в деле обратного отвоевания батареи Жерве) очень большую роль играет русская артиллерия, стоящая на третьем бастионе («Большом Редане», как его называли союзники), — и, однако, в эти драгоценнейшие часы Раглан не вступал в борьбу. И только убедившись, что французы терпят тяжкий урон, он начал свою запоздавшую и уже по существу дела бесполезную для всего предприятия этого дня атаку против третьего бастиона, перед которым в боевой готовности стояли его войска. Со свойственным ему простодушием лорд Раглан изложил своеобразные мотивы своего поведения в письме (частном письме, конечно, отнюдь не в официальном донесении) к английскому статс-секретарю лорду Пенморю на другой день после битвы, когда нескончаемой вереницей отовсюду высокими, перегруженными возами свозились трупы павших накануне французов и англичан. В этой обстановке Раглан пишет следующее: «Я всегда остерегался быть связанным с обязательством начать атаку в тот же момент, как французы, — и я чувствовал, что мне должно иметь некоторую надежду на их успех, раньше чем я пушу в ход наши войска; но когда я увидел, какое могучее сопротивление им оказывается (*how stoutly they were opposed*), то я рассудил, что мой долг был помочь им, начав самому нападение».

Англичане вышли из траншей и двумя колоннами двинулись на третий бастион. Русские расстреливали их в упор, и этот «долгий кровавый путь», о котором говорят все очевидцы, истощил боеспособность атакующей колонны раньше, чем она приблизилась к укреплениям бастиона. Храбрый генерал Кэмпбелл был убит в самом начале атаки. Английский командный состав понёс большие потери. С тяжёлыми (и совсем бесполезными) потерями англичане были отброшены убитым русским огнём назад. Заместивший убитого Кэмпбелла лорд Уэст признал невозможным повторение атаки. И почти одновременно была отброшена на исходные позиции и другая колонна англичан, шедшая с восточной стороны к

третьему бастиону. Тут русский огонь был таков, что абсолютно не было возможности даже самым храбрым и упорным пройти то открытое пространство, которое отделяло их от бастиона. Даже известные своей храбростью люди, вроде полковника Хибберри, много времени спустя писали об этом именно моменте поражения подступавшей с востока колонны: «Огонь был так страшен, что можно было только опустить голову — и бежать как можно быстрее (*one could only put ones head down and run as fast as possible*)». Это была какая-то «буря картечи», говорят очевидцы, — буря, буквально сметавшая прочь всё, покрывавшая землю рядами трупов.

Англичане, вышедшие со штурмовыми лестницами, побросали их на землю ещё при самом начале дела, когда впервые не смотря на все усилия своих офицеров отхлынули назад. Да и слишком уже несбыточным делом становился явственно для всех этот штурм «Большого Редана», слишком нелепой — надежда взобраться на укрепления бастиона и штыковым боем выбить оттуда русских: штурмующая колонна потеряла бы большую часть своего состава, не дойдя до парапета.

VII

А на третьем бастионе одушевление и азарт борьбы неудержимо увлекали русских солдат. Ощущение большой победы овладело ими после подвига Хрулёва и его солдат и после уничтожения французов на батарее Жерве и в занятых ими домиках на Корабельной стороне. Ведь третий бастион направлял свой огонь сначала всецело в сторону французов, против дивизий Отмара и Брюне, силившихся проорваться у Малахова кургана и у батареи Жерве. И третий бастион ликовал, участвуя так деятельно в хрулёвской победе и во всех русских успехах против французов на всём этом левом фланге русской оборонительной линии. Теперь, когда с французским нажимом уже почти справились, третий бастион мог полностью направить весь огонь своих мощных батарей на собравшихся, наконец, выступить англичан.

Второстепенная операция англичан (нападение на батарею, стоявшие на Пересыпи) была ещё раньше ликвидирована полковыми батареями Охотского и Томского полков. Ни на Пересыпи, ни на третьем бастионе дело не дошло до штыкового боя на самых укреплениях по той простой причине, что англичане отступили, гонимые огнём русских батарей, с полдороги.

Впоследствии во французской прессе раздавались жалобы, что англичане не отнеслись серьёзно к делу штурма и даже не взяли с собой штурмовых лестниц и фашин. Но, во-первых, у нас есть показания, что лестницы англичанами были взяты (хотя, правда, тотчас же брошены на землю при первой же попытке приблизиться к бастиону, именно при неудаче этой попытки); во-вторых, совершенно правильны

слова русского офицера П. Алабина, участника этого сражения: «Обвиняют англичан и в том, что они забыли взять с собой фашины, когда шли на штурм. Правда, на всём поле, усеянном трупами англичан, их оружием и амуницией, не видел я ни одной фашины, но какую пользу они могли бы принести англичанам, когда никто из них даже не добежал до рва 3-го бастиона и оттаажнейшие легли костями не далее как у засеки, что пред его исходящим углом?»¹

Французы, по официальным подсчётам, потеряли 17—18 июня 3553 человека убитыми и выбывшими из строя, англичане — 1728 человек². Русские потеряли за эти два дня (во время длившейся почти сутки бомбардировки 17 и во время штурма 18 июня) 783 убитыми, 3179 — ранеными, 850 — контуженными. При этом нужно заметить, что русские потери были 17-го больше, чем во время штурма 18-го, а союзники, напротив, больше всего потеряли во время штурма.

Цифры, которые приводятся на основании позднейших данных отдельными участниками военных действий, всегда значительно выше официальных. Вот цифры, которые даёт артиллерист поручик 8-й батареи Милошевич для трёх дней — с 5(17) по 7(19) июня: у русских вышло из строя 95 офицеров и 4745 нижних чинов, у неприятеля — около 7 тыс. человек, в том числе три генерала (Мэйран, Брюне и Джон Кэмпбел)³. Русские потери показаны более или менее в согласии с официальной цифрой, потери союзников — выше, чем по их официальным данным. Французские офицеры в разговорах с русскими во время большого перемирия начала 1856 г. были довольно откровенны, и русские узнали и о штурме 18 июня кое-что новое. Могли узнать и новые цифры.

VIII

Радостное волнение овладевало постепенно русской армией. С бастиона на бастион перелетало подтверждаемое ежеминутно новыми и новыми подробностями известие о полной победе, о том, что штурм отбит на всех пунктах, что неприятелю не помогли ни страшная бомбардировка днём 17-го и в ночь с 17 на 18 июня, ни густые массы пущенных в дело штурмующих колонн, ни бесспорная храбрость французских дивизий...

Русские матросы и солдаты в день победы 6(18) июня и затем в течение всего июня прямо превосходили самих себя. Подбодренные успехом, они совсем, казалось, утратили всякое представление об опасности. Вообще для всякого, кто изучает историю этой войны, очень скоро

¹ «Сборник известий, относящихся до настоящей войны». Кн. 32, стр. 485.

² Эти цифры даёт также E. Perret в своих уже цитированных нами «*Récits de Crimée*».

³ Милошевич Н. Из записок севастопольца, стр. 51. СПб. 1904.

становится ясным, что совсем неосновательно выделять матроса Кошку или того или иного из прославившихся рядовых защитников Севастополя в качестве некоего исключения. Это видно и из суховатых, деловитых записок князя Виктора Илларионовича Васильчикова, начальника штаба севастопольского гарнизона. Вспомним, что он и сам с полной готовностью ежедневно подставлял свой лоб под пулю и ни к каким восторгам ни по поводу своего, ни по поводу чужого героизма не был склонен ни в малейшей степени. Да и говорит он о поступке солдат Алексопольского (31-го пехотного) полка наскоро, между прочим, потому что просто пришлось к слову при рассказе о том, как французы сейчас же после провала 6(18) июня пытались покончить с особенно важными бастионами: «Французы обставили всю Камчатку (Камчатский люнет) сильной артиллерией, которая громила как Малахов курган, так и несчастный 2-й бастион, который, несмотря на своё невыгодное положение, действительно боролся против сильнейшего врага. Каждый день бастион этот представлял груды развалин, которые при огромных потерях исправлялись за ночь: подбитые орудия заменялись новыми, и к рассвету обновившийся бастион снова открывал огонь и боролся до ночи, разрывая лопатами засыпанные амбразуры. Чтобы дать понятие о том жестоком огне, какой постоянно производился по этому направлению, расскажу я происшествие, случившееся с Алексопольским батальоном. На случай штурма, для действия по неприятельским колоннам, если б им удалось занять 2-й бастион (что было более чем вероятно), Тотлебен проектировал 3-ю орудийную батарею на углу оборонительной стенки 1-го бастиона. Батарея эта должна была действовать картечью по горже 2-го бастиона и поражать во фланг неприятеля, который стал бы дебушировать из-за этой горжи. Французы заметили это сооружение и старались ему помешать, что исполнялось ими так тщательно, что днём на этой батарее работать было невозможно, да и ночью надо было насыпать землю как можно скорее, не оставаясь долгое время под выстрелами. Батальон Алексопольского полка был назначен на такую ночную работу. Люди должны были насыпать мешки землёй, принести их на место, высыпать на батарею и удалиться. В ту минуту, когда подходил батальон к месту работы, французы усилили огонь: чтобы не подвергать батальон напрасной потере, начальник отделения приказал отвести людей назад и подождать, пока огонь утихнет. Батальон был отведён. Но люди, прождав некоторое время, без приказаний и без офицеров схватили мешки и пошли высыпать их на батарею. Несмотря на непродолжительность работы из батальона вышло шестьдесят человек»⁴.

⁴ «Русский архив» № 6 за 1891 год, стр. 234—235. «Записки князя В. И. Васильчикова».

Есть и ещё показания, что в первое время после победы 6(18) июня матросы и солдаты неоднократно нарушали подобным же образом дисциплину и иногда совсем безумно рисковали головой, находя, что начальство слишком острожно. В них вселилась в эти дни какая-то уверенность, что непременно удастся спасти Севастополь. Массовое геройство алексопольцев, о которых рассказал Васильчиков, или хрулёвские сто тридцать восемь «благодетелей» из Севского полка, которые, не теряя ни секунды, бросились за Хрулёвым прямо на смерть, чтобы отбить у французов батарею Жерве, не прославило имени ни одного из них. И разве они думали о своей личной славе, отдавая свою жизнь?!

Женщины соперничали с мужчинами: «Во время боя жара была неимоверная и дала случай солдаткам и матроскам выказать всю силу самоотвержения и смелости русских женщин... они разносили под градом пуль сперва квас, а когда нехватило квасу — воду в самые жаркие места схватки»¹, расплачиваясь за это жизнью или увечьем.

IX

С фронта писали во Францию и в Англию, что русские с каждым месяцем делаются не хуже, а лучше.

Вот что говорит о русских защитниках крепости в дневнике, который он вёл под Севастополем, французский генерал Вимпфен: «Их энергичная и умная оборона заставляет нас уважать нацию, против которой у нас никогда не было серьёзных обид... Мы все теперь уважаем солдат, которые сражаются храбро и лояльно. Мы выступаем против этого врага только по приказу, без большого энтузиазма и потому, что желаем покончить с бедствиями осады»².

Французское офицерство не скрывало, в частности, своего восхищения Тотлебенем. Эскадронный командир Фай, адъютант Боске, говорит в своих воспоминаниях: «Таким образом русские нас опережали на

всех тех пунктах, которые мы имели намерение занять. Несомненно, они были искусны, но надлежит прибавить, что они очень хорошо были обслуживаемы своими шпионами». А сам Боске ещё в дни постройки Селенгинского и Волынского редутов писал: «Понистине кажется, что русский инженер день за днём даёт ответ на все наши идеи, на все наши проекты, так, как если бы он сам присутствовал на наших совещаниях... Не оказывая несправедливости его уму, слишком хорошо доказанному, я думаю, особенно теперь, о шпионах»³. «Хитрость», «доказанный ум», «искусный шпионаж» — можно было приводить какие угодно объяснения, но факт был налицо: перед союзниками были грозные противники. А что эти противники ставили свою жизнь ни во что, — это было фактом настолько неоспоримым, что незачем было даже трудиться выдумывать объяснения.

Англичане, очень скупые на эпитеты, когда приходится хвалить врага, заговорили о русских матросах и солдатах так, как редко о ком когда-либо говорили.

«Я не могу поверить, что какое бы то ни было большое бедствие может сломить Россию. Это великий народ (it is a great rationality), несомненно, он не в нашем вкусе, но таков факт. Никакой враг не осмелится вторгнуться безнаказанно на его территорию, если не считать захвата таких ничтожных кусочков, какие мы теперь заняли (beyond such small nubbles as we are now making)», — так писал в том же июне 1855 г. состоявший при генерале Коллине Кэмпбеле «майором-адъютантом» автор не предназначенной для продажи книги о Крымской войне⁴. Писал он это в интимном письме к другу.

Да позволено будет советскому историку, пишущему в наше время, закончить этой английской цитатой рассказ об отбитом штурме. Эта ранняя английская оценка русского народа, отстаивающего свою землю, вполне гармонирует с той оценкой России, которая в наши дни стала в Англии господствующей.

¹ «Военный сборник» № 8 за 1905 год, стр. 54. Степанов М. Севастопольские записки.

² «Notes et correspondances de campagne du général de Wimpffen, publiées par H. Galli», p. 82. Paris. 1892.

³ Fay G. H. Souvenirs de la guerre de Crimée, p. 229. Paris. 1867.

⁴ «Letters from the army in the Crimea by a Staff-officer who was there. For private circulation only», p. 338. London. 1857.